

Лоэнлайс начал учить меня обращаться с оружием.

Оружие было тяжелым, а отдача после выстрела — еще тяжелее.

Для меня это было пустяком, я всегда молчала, но Лоэнлайс смотрел на меня всё более странным взглядом и в конце концов спросил: Разве отдача не слишком сильная? Эту фразу он сказал по-английски, я почти не поняла ее и растерянно уставилась на него.

Он ничего не ответил, лишь провел по моей голове широкой, мозолистой ладонью, растрепав волосы, которые мне аккуратно уложила женщина-боец. За это потом ему достанется нагоняй от нее, но он неизменно глуповато улыбался.

Меня снова отбросило назад от отдачи, так что я не могла поднять ствол. Он поддержал оружие, а другой рукой нажал на мое плечо, нывшее от отдачи. Тепло его ладони было почти обжигающим, и от этого тепла я растерялась.

Он сказал: Не понимаю, куда ты так спешишь учиться стрелять. Есть же я, твой капитан, я всегда рядом.

Конечно, я знала, что он всегда рядом: мелькает перед глазами, выхватывая порцию брани от женщины-бойца, а потом поворачивается ко мне и глуповато улыбается; заливается смехом, услышав мой странный акцент, когда я учу английский, и зовет остальных парней помочь мне и исправить ошибки; а когда я отказалась от помощи девушки-лекарши, впервые отчитывает меня с яростью отца.

Он вечно повторял: Я же всегда рядом.

В нашем ремесле наемников разве кто-то не ходит по лезвию ножа? Мы — не кадровые военные, нам достается лишь грязная, тайная работа, зато платят быстро и много. Путь наемника был не моим выбором, но стал моим пристанищем, моим последним домом.

Я торопилась научиться стрелять не ради чего-то другого — по крайней мере, я хотела отчаянно сражаться за своих близких. Я больше не хотела прятаться за спиной Лоэнлайса. Он считал меня своим ребенком, а значит, ребенок, повзрослев, по меньшей мере несет ответственность за заботу о старших.

Капитан, должно быть, разгадал мои мысли. Он сбросил привычное шутливое выражение лица и начал по-настоящему серьезно учить меня стрелять, ведя за собой в огонь и дым сражений.

Проведя с ним много времени, я научилась с легким гневом парировать его подначки. Тогда женщина-боец всегда смотрела на меня с некоторым удивлением — наверное, потому, что у меня появились собственные эмоции. А в глазах капитана, когда он смотрел на меня, всегда бурлили тяжелые чувства, смешанные с облегчением и гордостью.

Он подошел ко мне с галетным пайком. Протягивая мне печенье, подушечки его пальцев легко скребли по краю упаковки, и этот шуршащий звук вернул меня к реальности. Больше он ничего не сказал, только снова потрепал меня по волосам, а когда я с визгом попыталась укусь его за руку, лишь пробормотал:

— Разве это не ребенок?

После того как женщина-бойца в очередной отругала Лоэнлайса, он не спеша принялся расчесывать мне волосы.

Мозоли на его руках были грубыми, но движения — удивительно мягкими и уверенными. Распутав волосы, я услышала за спиной шорох одежды: он поднял руку, чтобы вытереть глаза, и его голос прозвучал хрипло:

— Амирт был совсем как ты, с тем же черным волосом, вылитая мать. В детстве он вечно говорил, что станет точь-в-точь как я. А я не хотел... я тогда еще накричал на него.

Он замолчал на мгновение, а затем продолжил:

— Накричал и сразу пожалел. Не успел даже извиниться, как потерял его навсегда...

Я знала, что случилось с Амиртом и его матерью. В такие времена те, кого больше не увидишь, — это те, кто либо погиб, либо затерялся в хаосе. Судя по всему, капитана постигла первая участь. Одна горячая капля упала мне на руку. Я не знала, как утешить этого мужчину, похожего на отца, точно так же, как не знала, как утешить саму себя из прошлого.

Я повернулась и прямо поверх боевых перчаток смахнула слезы с лица капитана. Подумалось: если вытереть их, лицо хотя бы не будет казаться таким заплаканным. Из моего горла вырвался чуть хриплый голос:

— Капитан, ты же мужчина.

Звучало нелепо, я действительно не умела утешать. Но капитан рассмеялся от моих слов, тяжело хлопнул меня по уцелевшему плечу и произнес слово, которого я еще не знала: survive.

Женщина-боец наблюдала за нами издалека. Внезапно она отвернулась, и тихие, сдавленные рыдания растворились в воздухе. Нежность, рожденная среди бедствий, всегда горчит.

Опомнившись, она громко крикнула:

— Бегом все обедать! Капитан, у тебя еще куча бумаг не разобрана, план операции не утвержден, а после обеда сразу совещание!

С этими словами она подхватила меня и повела к мисс Лейли.

И только капитан остался стоять, растерянный бушующим ветром.

<http://bllate.org/book/21192/2145555>